

A dark, ornate clock with a skull on top and red cross-shaped hands. The clock face is white with black Roman numerals and a gold-colored decorative pattern. The hands are red with a cross shape at the end. The clock is set against a dark background.

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ВРЕМЯ МЕРТВЫХ

На основе реальных событий,
случившихся в Музее мировой погребальной культуры
и рассказанных его создателем С.Б.Якушиным

Александр Тамоников

Время мертвых

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Время мертвых / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2018

Единственный в своем роде Музей смерти расположен на территории городского крематория г. Новосибирска. За внешней торжественностью и спокойствием этого необычного заведения кроется множество нерассказанных историй и неразгаданных тайн. Об этом – новый роман А. Тамоникова. Необычный посетитель привлек внимание работников Музея смерти. Незнакомец регулярно приходил в выставочный зал и интересовался одним и тем же разделом экспозиции. И однажды попытался поджечь редкие экспонаты. Оказавшийся рядом частный детектив Никита Ветров сумел предотвратить трагедию. Посетителя задержали. Кто он? Что толкнуло его на преступление? По словам задержанного, он – не безумец-одиночка, а посланник могущественных сил, которые охотятся за уникальным артефактом, с помощью которого можно изменить существующий миропорядок...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Тамоников

Время мертвых

© Тамоников А.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава первая

Мир фантомов затягивал, цеплял, уносил в бездну. Там было темно и бездонно. Я становился беспомощным, отдалялся от родного мира. Из ступора вывело негромкое ржание. Я вздрогнул, изумленно уставился на бутафорскую лошадиную морду с печальными глазами. Появилось сильное желание прочистить пальцем ухо. Галлюцинации были не только зрительные, но и слуховые. Бутафорские лошади не ржут. Фигуру животного покрывала траурная попона. На голове красовался вычурный плюмаж из страусовых перьев. Надменный кучер на облучке старинного катафалка вез в никуда гроб с телом усопшего. Скорбящая дама в черной накидке, стелющейся по полу, стояла рядом – по задумке автора композиции, она сопровождала печальную процессию...

«Вылет» был мощный, на некоторое время я полностью покинул реальность. А теперь с опаской и какой-то стыдливостью вертел головой, упираясь коленом в чугунный столбик ограждения катафалка. Глухо кашлянула женщина, осматривающая бронзовый канделябр XIX века, покосилась, проходя мимо. Я вернулся в бранный мир. Черно-белая клетка на полу, повышенная плотность экспонатов на единицу площади и объема – так или иначе связанных с похоронными обрядами и ритуалами...

Подобные выпадения происходили не впервые. Большого вреда они не приносили, но дискомфорт доставляли. События последнего часа пронеслись в голове, как табун мустангов по прерии.

Утро понедельника, 13 августа, офис детективного агентства (день не просто тяжелый, а в принципе неподъемный), перепалка с помощницей Риммой, звонок, просьба Сергея Борисовича поскорее прибыть в Музей мировой погребальной культуры («если это меня не очень затруднит»), долгое прозябание в пробке. «Террано» на парковке Новосибирского крематория... Сотрудница музея Лариса – симпатичная, хорошо подкованная по предмету девушка в строгом наряде – стояла за стойкой у входа и подавала мне знаки. Я воровато посмотрел по сторонам и вернулся в фойе.

– Никита Андреевич, его здесь нет, Сергей Борисович во втором корпусе, работает с женщиной – она прибыла из Москвы, чтобы собрать материал для диссертации. Он просил всех, кто к нему придет, посылать туда...

– И меня вы, конечно же, послали... – Мышцы лица худо-бедно расслаблялись, надеюсь, улыбка удалась.

– Конечно, – пожала плечами Лариса, – я вам сразу об этом сказала. Но вы были задумчивы, как тот сфинкс на улице. Кивнули и пошли дальше, пока не уперлись в катафалк.

– Я просто задумался.

– Я так и подумала...

Я снова был на улице, рука машинально тянулась к сигаретной пачке, хотя курить определенно не хотелось. Между корпусами триста метров петляющей аллеи, елочки, скамейки, опрятные колумбарии, странные предметы, экспонирующиеся на «плэнэре» и имеющие к смерти такое же отношение, как детектив Ветров – к молекулярной биологии.

Я бодро шел по дорожке, подчиняясь всем ее изгибам, поглядывал на хмурые тучи, затянувшие окраину Новосибирска. Ветер качал деревья, свистел между строениями. Температура со вчерашних вполне приличных показателей упала на десять градусов. Из туч то и дело прорывался дождик, потом затихал. Появилась странная мысль: глобальное потепление движется полным ходом; не станет ли август в наших широтах первым зимним месяцем? Состояние было крайне подозрительным. Куда унесло меня пару минут назад? Откуда дискомфорт и уныние? Заставь меня писать роман о событиях в музее, текущую главу я бы озаглавил «Предчувствие испорченного отпуска»...

Арочный свод второго корпуса простирался вглубь и пропадал в тусклом освещении. Черно-белая клетка на полу, повышенное количество экспонатов – отнюдь не умаляющее их качество. В этом зале представлялись похоронные традиции разных стран и народов. Часть экспонатов были подлинные, другие – качественная имитация. Здесь устраивались массовые мероприятия, тематические выставки. В «египетской» части поблескивали позолотой древние боги и фараоны. Я уступил дорогу инвалиду-колясочнику – его сопровождала женщина почтенного возраста, стал пробираться в глубь зала.

Сергей Борисович Якушин – глава похоронного холдинга и основатель музея – действительно был здесь. Импозантный, стройный мужчина лет шестидесяти с небольшим, весь седой, с короткой окладистой бородой – он и сегодня был в форме, учтиво общался с дамой. Они покинули отдел, посвященный православным ритуалам, и вошли в сектор иудаизма. Женщина внимательно слушала, кивала, с интересом и какой-то трепетной робостью смотрела по сто-
ронам.

Она неплохо выглядела. Среднего роста, с волнистыми волосами и мягкими чертами лица, плотная в кости, но вполне женственная, в черном деловом костюме с затейливым орнаментом на полах.

Я замешкался, не хотелось нарушать их идиллию. Поколебавшись, я начал движение, приближался сзади – они меня не видели, увлеченные беседой. Центральную часть экспозиции занимали два гроба, установленные рядом – вернее, один был действительно гробом со стеклянным оконцем в изголовье, а второй – его защитным кожухом.

– Обратите внимание, Алла Михайловна, – говорил Якушин, – это гроб Арнольда Михайловича Каца, почетного жителя нашего города, дирижера и педагога. Он много лет возглавлял симфонический оркестр Новосибирской филармонии. Печальное событие произошло на гастролях в Пекине в 2007 году. Внезапный инсульт. Артисту было 82 года. Тело Арнольда Михайловича кремировали в Новосибирском крематории, а урну с прахом захоронили на одном из кладбищ Дюссельдорфа, где сейчас проживают его вдова и дочь. Семья разрешила оставить частицу праха для создания мемориала, он помещен в особую урну и установлен в специальной витрине, вместе с некоторыми вещами, связанными с творчеством маэстро. Всякий раз, когда его жена с дочерью приезжают на родину, они посещают мемориал, возлагают цветы в память о муже и отце...

– Прошу простить, Сергей Борисович, но разве гроб... – Женщина колебалась, у нее был мягкий приятный голос.

– О нет, что вы, – улыбнулся Якушин, – в этом гробу с застекленным оконцем усопшего доставили из Пекина в Новосибирск. А это кожух для защиты гроба от механических повреждений.

– Простите за ассоциации, Сергей Борисович. – Женщина смастерила виноватую улыбку. – Вспомнился Аттила, похороненный в трех гробах... Кажется, об этом гласит популярная легенда?

– Это не легенда, Алла Михайловна. Предводитель гуннов был действительно похоронен в трех гробах. Участвовал во многих битвах, получил прозвище Бич Божий – и при этом ни разу не был ранен. А смерть к нему пришла после бурной трапезы по случаю собственного бракосочетания с бургундской принцессой. Сердце не выдержало. Говоря поэзией, растаяло от любви, оказавшись в непривычной ситуации. До любовных утех так и не дошло, гм... Похоронили варвара с размахом. Три гроба – внутренний золотой, потом серебряный, снаружи железный... Легенда, конечно, приукрашивает – обычные гробы, просто обиты золотыми, железными и серебряными пластинами. Железо символизировало наши суровые реалии, серебро – это мир, куда попадает после смерти душа; золото – бессмертный дух, обретающийся во всякой тленной оболочке. Примерно так... Раз уж мы зашли сюда, Алла Михайловна, то не могу отделаться молчанием. Похороны в Израиле – не такие, как в других странах. Дело даже не в

государстве, не в канонах иудаизма. Там нет частных похоронных контор. Есть монополист – коммерческая служба ритуальных услуг «Хевра Кадиша». Она берет на себя всю организацию похорон, общается с родными, готовит покойного к погребению. Выполнение обрядов и их хронология – обязательны. Например, надрыв одежды. Очень много запретов. Тело умершего считается священным, заслуживает почитания и бережного обращения. Все делают достойно, но без показухи и суеты. Покойника не бальзамируют, не применяют грим – это оскорбительно. Стараются избегать аутопсии. Использование органов и тканей для донорских целей – под запретом. С телом визуально не прощаются, спешат завернуть в белую материю и уложить в обычный деревянный гроб. Иногда возле тела сидит специальный человек, охраняет покойного и читает псалмы. Кстати, у иудеев тоже принято бросать горсть земли в могилу – ты совершаешь благодеяние для умершего. Не скажу, что все евреи следуют ритуалам – там много православных, католиков, атеистов, – но традиции иудаизма тем не менее таковы...

– Да, я что-то слышала про бюро «Хевра Кадиша», – кивнула женщина. – Служба работает неплохо, но люди жалуются на цены. А других вариантов нет...

– Ну, что поделать, – развел руками Якушин, – мир не идеален. Человеческая жадность – явление повсеместное. А в условиях монополизма – чего же вы хотите?

– Ой, я была недавно в Германии, – вспомнила женщина, – изучала схожий материал. Знаете, люди тоже жалуются: внешне все пристойно, торжественно, но цинизм ритуальных контор не ведает границ, а цены – преград. Даже для Европы очень дорого. Нормальные похороны – от семи тысяч евро. Бюджетные – как минимум три. А какая бюрократия! Бумаги оформляются неделями, крючкотворство – нашим и не снилось. Бывает, что два месяца проходит со дня смерти до церемонии погребения, разве это нормально? Мучают живых, мучают мертвых... А еще место на кладбище – две с половиной тысячи. А еще ежегодно нужно вносить плату за благоустройство кладбищенской территории. Думаете, почему кладбища на Западе такие чистые и ухоженные? Немцы – не самые бедные люди в Европе, но даже для них эта ноша тяжела...

– Вы правы, – кивнул Якушин, – человек умер – уже тяжелое бремя. А похоронные конторы и бюрократы только усугубляют его. Мы стараемся в нашей организации бороться с подобными проявлениями... Кстати, именно по причине дороговизны ритуальных услуг европейцы еще при жизни открывают похоронные счета, чтобы в трудный час вопросы финансов не беспокоили родных. Если нет похоронного счета, а у родни мало денег, заказывают кремацию – она дешевле. Если совсем плохо с финансами, а это в основном эмигранты – то подписывают договор со специальными службами, и тела увозят на кремацию в Чехию, где процедура дешевле... Пойдемте дальше, Алла Михайловна. Перед нами – католический раздел, плюс кусочек знаменитого Мавзолея – основной, скажем так, кусочек...

– Потрясающе, Сергей Борисович, – восхищенно пробормотала женщина, – ваш охват похоронной темы просто впечатляет. Затруднюсь даже сказать, чего здесь нет...

– Шкаф Дэйви Джонса еще не подвезли, – проворчал я, прикусил язык, но дело уже было сделано.

– Ой, – сказала женщина, резко повернулась и, кажется, тоже прикусила язык.

– Не утерпели, Никита Андреевич, – усмехнулся Якушин. – Давно осязаю ваше присутствие на заднем плане.

– Прошу прощения, – смиренно сказал я.

– Все в порядке, я же сам вас вызвал. Присоединяйтесь к нашей компании. Познакомьтесь – это Алла Михайловна Незнанская, сотрудница Института этнологии и антропологии имени Н. Миклухо-Маклая. Является ведущим сотрудником Центра этносоциологии; направление работы, если не ошибаюсь – этнические культуры и социальные структуры.

– Все верно, Сергей Борисович, – улыбнулась женщина. – Институт находится в Москве на Ленинском проспекте, я работаю в нем почти шесть лет. Собираю материал для кандидат-

ской диссертации по теме «Ритуальные обряды XIX века в Сибири, на Урале и на Дальнем Востоке». Я поражена, – не пожалела она крупицу лести, – возможно, в вашем музее есть не все, что мне нужно для работы, но очень многое...

– Алла Михайловна уже четыре дня в нашем городе, – сообщил Якушин, – остановилась в гостинице «Ривер-Парк» и еще неделю будет ездить в наш музей, как на работу. Расстояния, конечно, большие...

– Я арендовала машину, – сообщила Незнанская, – маршрут сообщает навигатор, а ваши пробки ничем не лучше, да, собственно, и не хуже столичных. Надеюсь, мое присутствие не помешает вашей работе?

– Ну, что вы, мы всегда рады помочь коллегам. Я хорошо знаю вашего директора, который и попросил о содействии... А это частный детектив Никита Андреевич Ветров, сотрудничает с нашей организацией на договорной основе и уже распутал несколько сложных дел, связанных с артефактами.

В глазах Сергея Борисовича заблестели лукавые огоньки. Мне вспомнилось последнее дело, связанное с гробницей некоего древнего товарища, и в горле застрял ком. Пришлось откашляться.

– Очень приятно, Никита Андреевич. – Женщина протянула руку.

– Мне тоже очень приятно, Алла Михайловна... – у нее была располагающая внешность, и все какое-то круглое. Круглые ладошки, круглое лицо, и даже имя с отчеством были круглыми – язык перекашивался, когда приходилось их произносить. Она поступала правильно, выбирая темные цвета в одежде. Но доля «утолщенности» не мешала ей выглядеть изящно и с шармом.

– Прошу прощения, – вдруг нахмурилась Алла Михайловна, – а что там со шкафом Дэйви Джонса, который еще не подвезли?

– Никита Андреевич шутит, – поморщился Якушин, – «Шкафчик Дэйви Джонса», «сундук Дэйви Джонса» – сленг английских, а потом и американских моряков. Упомянутый товарищ – злой дух, живущий в море. Умерших от болезней или погибших в бою моряков заворачивали в саван, утяжеляли грузом и сбрасывали в море, где они и покоились на дне. Традиция получила название «залечь в шкаф Дэйви Джонса». Сейчас она практически забыта – поскольку не нравится родственникам умерших моряков. Вы замерзли, Никита Андреевич? – подметил Якушин.

– Все хорошо, – отмахнулся я, – обычный аномальный август.

– Слова настоящего сибиряка, – улыбнулся Якушин. – Что вам еще показать, Алла Михайловна?

Мы стояли у силиконовой мумии Владимира Ильича Ленина. Не сказать, что вождь пролетариата лежал, как живой (кто же видел его живого?), но впечатление производил сильное. Оригинал я имел честь любоваться еще в школьные годы, когда родители возили меня в столицу. Копия явно выглядела лучше. То, что лежало в Мавзолее, было древней мумией – серой, страшноватой. То, что находилось в музее смерти, походило на человека, который ненадолго задремал, скоро очнется и продолжит свою многотрудную деятельность по становлению «самого справедливого в мире государства». Мумию окружал пышный кумачовый балдахин в форме шатра. Экспонат притягивал, возле него постоянно кто-то находился.

– Что скажете, Алла Михайловна?

– Слов нет, – призналась женщина.

«Одни вопросительные знаки», – подумал я.

– Заказали копию специально для ночи музеев, проходившей в мае, – сказал Якушин. – Фигуру отлили в Новосибирске, автор – молодой дизайнер из мастерской скульптур и бутофории. Работали стилисты, танатопрактики, гримеры. Для оформления лица Владимира Ильича использовалась даже голливудская технология на основе аэрографии. Смею заметить, что

отныне это постоянный экспонат. В отличие от подлинного Ленина, ему не требуются специальные условия и целая лаборатория специалистов, поддерживающих мумию в приемлемом состоянии. Может лежать сколь угодно долго, пить-есть не просит, как говорится...

– На грани фантастики, – засмеялась Незнанская. – Нет, серьезно, очень похож. Так и хочется вскинуть руку в пионерском приветствии.

– А у вас какие ассоциации при виде вождя, Никита Андреевич? – поинтересовался Якушин.

– Скорбные, – признался я. – Обидно за целое поколение, которое ни разу не видело настоящих пышных кремлевских похорон.

– Ну, у кого что, – засмеялся Сергей Борисович.

Моего работодателя что-то беспокоило. Он был самой учтивостью, общался с Незнанской так, словно у него вагон времени. Но я чувствовал, что на душе у него скребут кошки. Иногда он кусал губы, искоса поглядывал на часы.

Не успели мы отдалиться от мумии «самого человеческого человека», как Якушину поступил входящий звонок. Сергей Борисович выслушал, покачал головой и проворчал: «Хорошо, скоро буду».

– Прошу простить, господа, – сделал он виноватую мину. – Снова в лаборатории что-то напортачили, надо бежать и разбираться. Надеюсь, это ненадолго. Алла Михайловна, дальше справитесь без меня?

– Конечно, Сергей Борисович. Сожалею, что отняла у вас столько времени. Если возникнут вопросы, обращусь к сотрудникам. Я справлюсь, не волнуйтесь, я уже взрослая девочка.

– Отлично, – улыбнулся Якушин. – Вы, Никита Андреевич, тоже простите. Предлагаю встретиться в первом корпусе через сорок минут, там мы спокойно поговорим.

На горизонте вырисовывалась еще одна загадка, усиливалось предчувствие пропавшего отпуска. Сергей Борисович торопливо уходил. Настроение у него, похоже, портилось. Не так уж часто он демонстрировал вспыльчивость. Сегодня был тот самый день, он едва не сорвался, уронив криво выставленную фигуру в испанском отделе. «Когда же это кончится? – возмущался у выхода Сергей Борисович. – Где все? Почему экспонаты стоят не там? Почему я, как Диоген, должен бегать с фонарем и кричать «Ищу человека!»?»

– Ну, едрид твой Мадрид... – пробормотал я.

– Что, простите? – вскинула голову Алла Михайловна.

Я уверил, что ей послышалось и мне надо срочно позвонить. Я отошел в сторону, сделал попытку связаться с Варварой, которую не видел уже неделю. Сергей Борисович услал мою девушку в творческую командировку на Алтай, где снова нашли некие сомнительные останки, и серьезным ученым из тамошнего НИИ срочно потребовались услуги парапсихолога.

Варвара не отвечала. Но утром, судя по полученному сообщению, она была жива и на всех парах мчалась в Новосибирск.

Не дождавшись ответа, я набрал номер собственного детективного агентства «ЧП Ветров, частные расследования», дождался, пока моя помощница Римма Казаченко соизволит снять трубку.

– Добрый день, – проворковала она ангельским голосом, – детективное агентство «ЧП Ветров» всегда к вашим услугам и готово предложить своим клиентам широкий спектр... А, это ты, – поскущела Римма, обратив внимание на высветившийся номер, – чего надо?

– Рад, что ты на посту, лучишься учтивостью, отзывчивостью и готовностью оказать помощь нашим потенциальным клиентам. Однажды ты мне объяснишь, что входит в понятие «широкий спектр услуг».

– Я еще сама не проработала эту тему, – призналась Римма, – но активно тружусь, продвигая в социум наше с тобой детище. Чего хотел-то, Никита Андреевич?

– Ничего, – проворчал я, – внезапная проверка боеготовности. Не спать, Римма Владимировна.

Когда я возвращался по проходу, Алла Михайловна Незнанская задумчиво созерцала «мумию Тутанхамона», собиралась что-то записать в блокнот, но передумала.

– Вы грустны, Алла Михайловна, – заметил я. – Конечно, печально, когда человек умирает в таком юном возрасте.

– Что? – Она вздрогнула, вышла из задумчивости. – Простите, не поняла, Никита Андреевич...

– Сей экспонат олицетворяет Тутанхамона, – кивнул я на мумию. – Бедный юноша скончался в 19 лет, пораженный неуставленной болезнью. Есть еще версия, что он упал с лестницы, но мне больше нравится третья: юношу убили по приказу его собственного регента Эйе, который после похорон стал новым фараоном.

– Вы настолько кровожадный? – удивилась женщина.

– Нет, эта версия самая реалистичная.

Она прыснула, вышла из отдела, посвященного Древнему Египту, покосилась на далекую дверь, за которой растаял Якушин.

– Скажите, Никита... Андреевич, – она поколебалась, посмотрела по сторонам, – вы человек местный... Это здание специально построили для музея? Для меня это непривычно, я испытываю сложные чувства. Чтобы вот так, в одном месте собрать обширную коллекцию предметов со всего мира, посвященную умиранию и всему, что с этим связано...

– Когда я впервые пришел сюда три месяца назад, то был впечатлен не меньше вашего, – улыбнулся я. – Фактически это всего лишь музей, посвященный одному из важнейших аспектов бытия. Хотя и входит в перечень самых странных музеев мира – по утверждению одного авторитетного сайта, посвященного музеям. Нет, это здание, как и основной корпус, построили много лет назад. Здесь находилась котельная базы Военторга.

– Серьезно? – удивилась Алла Михайловна. – Как странно... Сергей Борисович, видимо, очень занятой человек, а я его отвлекаю... – Она опять покосилась на дверь. – Скажите, он сам это придумал?

– Полагаю, да. Включая крематорий, фабрику специальных похоронных принадлежностей, исследовательские лаборатории – все это входит в похоронный холдинг. А также специальные журнал и сайт. Он членствует в Академии естественных наук, возглавляет международную выставку «Некрополь», является вице-президентом Союза похоронных организаций и членом совета директоров международных ассоциаций танатологов. Вы правы, он несколько занятой человек.

– Когда он успевает? – пожала плечами Алла Михайловна.

Я тоже пожал плечами. Ответа не было.

– У вас же есть немного времени? – спросила женщина. – Здесь так много всего, что я теряюсь.

– Здесь не возбраняется фотографировать. – Я украдкой покосился на часы. – С удовольствием составлю вам компанию, Алла Михайловна, но должен признаться, что из меня отвратительный экскурсовод.

Завершающая часть экспозиции для неподготовленного посетителя выглядела шокирующе. Бутылка водки «Русская» высотой в полтора человеческих роста (чем не символ смерти?) и плоский фрагмент кости мамонта, на котором крохотные статуэтки разыгрывали миниатюрные крестьянские похороны – это были еще цветочки. Зловещие коллекции человеческих черепов – разрисованные демоническими узорами; всевозможные лики Дьявола – в представлениях древних и ныне здравствующих народов. Рогатые, бородатые, оскаленные демоны с головами в натуральную величину.

Классический «танец со Смертью» – вельможи в праздничных нарядах, «скелетированные» личности, обнимающие этих самых вельмож – верный признак, что танцевать человеку осталось недолго. Похоронные амулеты, фигурки, ритуальные африканские ножи, глиняные маски, надеваемые на мертвецов, чтобы их души не забрали в свое царство темные силы. Причудливые тотемные фигурки с нечеловеческими лицами – уродливые божки, похожие на жаб. Безжалостная инсталляция – препарирование на столе прозектора сгнившего женского трупа – со стороны реалистично, и только вблизи с облегчением понимаешь, что это муляж. Очередная коллекция старинных траурных платьев – явно не имитация, а подлинные артефакты, добытые сотрудниками музея. Веселый скелет на велосипеде. Беззубая смерть в капюшоне и монашеском облачении, пристально следящая за посетителями выставки. Незлой на вид (но какой-то грустный) дедушка в полный рост, в руках фонарь и посох, и не сразу понимаешь, что это старина Харон – лодочник, перевозящий через Стикс души умерших. Причем работает дедушка не бесплатно, а требует за провоз пару монет, которые надобно положить на глаза усопшему.

Алла Михайловна исподлобья, отступив на шаг, разглядывала стилизованный тотемный столб, изрезанный изображениями зверей и птиц, странными лицами, отдаленно напоминающими человеческие.

– Это подлинный артефакт, не знаете?

– Уверен, что нет. Это уменьшенная копия пятиметровой деревянной скульптуры, найденной на Урале в 1894 году. Лежала в торфяном болоте и прекрасно сохранилась. Так называемый Шигирский идол – самый древний из найденных артефактов. По крайней мере, самая древняя скульптура. В 90-м году собрали международную группу ученых, провели радиоуглеродное датирование – получили почти 10 тысяч лет. Потом повторно обследовали – по древесине, залегающей в глубине. Теперь получили одиннадцать с половиной тысяч лет. Считается, что статую использовали в своих нуждах древние охотники-собиратели из последней ледниковой эпохи. Вырезанные лица – злые духи, демоны и прочие сверхъестественные существа, именно от них защищал народ данный идол.

– На скульптуре присутствует символическое письмо, – подметила женщина. – Охотники-собиратели изобрели письменность?

– Понятия не имею, – пожал я плечами. – Подозреваю, наши знания неполные, а где-то и неверные. Кто тут жил, чем они занимались...

– Да уж, пятиметровая статуя сюда бы не вошла. – Алла Михайловна оценила высоту потолка. – Хотя и славно бы смотрелась.

– Только не это, – улыбнулся я. – Боже упаси. Не всегда есть возможность договориться со злыми духами, обитающими в подобных вещах. А уж если ты больше одиннадцати тысяч лет пролежал в болоте...

– Вы верите в эту мистическую ерунду? – удивилась женщина. – Злые духи, пагубная энергетика, способную воздействовать на живых?

Я предпочел не вступать в дискуссию. Не важно, во что я верю, – главное, чтобы эта «мистическая ерунда» однажды не поверила в меня.

– А говорите, что вы плохой экскурсовод, – протянула Алла Михайловна.

Гостье из столицы становилось немного не по себе. Но она продолжала блуждать вдоль стендов с африканскими и индейскими амулетами, с ритуальными масками, прочими предметами погребальных культов.

– Эти черепа принадлежат детям, – передернула она плечами. – Кто будет изготавливать ремесленным образом человеческие черепа, если проще добыть настоящие. Особенно в Африке. Недавно прочитала душераздирающую историю. В Мали, в одной деревне вооруженные личности напали на дом, где проживала одинокая мать с двумя детьми-альбиносами. Ночь, все спали. Ворвались в дом, схватили маленького ребенка. Мать пустилась за ними в погоню, затем вернулась, чтобы защитить вторую дочь. Украденную девочку потом нашли за мечетью.

Ей отрезали голову – подонки забрали ее с собой. Оказалось, это распространенная практика. Люди верят, что амулеты из альбиносов могут лечить болезни, приносить богатство и удачу. Деревня после этого случая взбунтовалась, люди сожгли полицейский участок, но никого не нашли.

– Это называется ритуальное преступление, – объяснил я. – Пока еще радует, что это единичные случаи. В древности и не такое случалось. В Перу нашли захоронение, которому больше 500 лет, явно до прихода конкистадоров. Даже не могила, а место жертвоприношения: массовое ритуальное убийство детей недалеко от побережья Тихого океана. Что творилось в головах индейцев? Современному человеку непостижимо. Уничтожили во славу богам полторы сотни своих же детей.

– Это точно ритуальное жертвоприношение, – уточнила женщина, – а не банальное массовое убийство?

– Точно, – кивнул я, – черепа раскрашивали красным пигментом – он использовался в обрядах жертвоприношений. И размещали их таким образом, чтобы лицевая часть смотрела на восток, к Андам. Насколько известно, это самое массовое детское жертвоприношение в истории.

– Вот боги, наверное, подавились, – пробормотала Алла Михайловна.

Ознакомительная экскурсия подходила к концу, Алла Михайловна вернулась в «православный» раздел, признавшись, что он ей ближе и милее, а также согласуется с темой ее диссертации. Она исследует предмет на основе жизни нескольких сибирских семей – от середины XIX века до Гражданской войны. Дальше началась неразбериха – все смешалось, брат пошел на брата, сын на отца, страна погрузилась в пучину смуты, в сравнении с которой «великая» российская смута начала XVII века – нормальная жизнь и торжество законности. В XIX веке люди тоже умирали, но все правила, связанные с похоронами, подчинялись нормам. Их неукоснительно соблюдали.

Она показывала «похоронные» письма, которые ей любезно разрешил скопировать Якушин. Их, как и нынешние приглашения на свадьбу, рассылали родственникам и знакомым. Письма имели свою форму, траурные пометки, чтобы не спутали с другой корреспонденцией. Содержание письма было также, как сейчас говорят, «отформатировано». «Удрученные тяжёлым горем, с прискорбием извещаем о смерти от долгой болезни нашего отца и деда Чудинова Николая Панкратовича, добропорядочного мещанина и аптекаря. Ждем 21 июля сего года вас на отпевание в церкви Святой Троицы, похороны и поминальный обед, который состоится в собственном доме усопшего». В обязанности адресата, если он не мог посетить церемонию, входило написать ответное «утешительное» письмо, где он выражал свое сочувствие, желал живым многотерпения, а преставившемуся – земли пухом и царствия небесного...

– А вы знаете, откуда взялось слово «гроб»? – спросил я.

Дама прищурилась.

– Честно говоря, не знаю. Расширьте мой кругозор, Никита Андреевич. Должно быть, старое русское слово?

– Ни в коем случае. Старое русское слово – «домовина». А «гробы» появились с наплывом в страну мастеров похоронных ремесел, в основном немцев. Есть подозрение, что слово произошло от аббревиатуры «Gr.ob», что означает «grabatus-obitus» – «ложе смерти».

– «Домовина» лучше звучит, – подумав, сообщила Алла Михайловна. – По-домашнему как-то, по-русски. А вообще, знаете, любая смерть страшна, – заключила она со вздохом.

– «Но еще страшнее стало бы осознание, что будешь жить вечно и никогда не умрешь», – когда она удивленно вскинула глаза, я поспешил объяснить: – Цитата не моя – Антон Павлович Чехов.

За спиной многозначительно кашлянули. Я обернулся. Из-за фигуры невозмутимого сфинкса вышла какая-то помолодевшая Варвара – в меру надменная, с иголки одетая, до

невозможности привлекательная! Я смутился, закашлялся. Вот так подловила! Очевидно, моя физиономия была глупее некуда – Варвара подобрела, сделала лицо попроще.

– Добрый день, господа, – вкрадчиво сказала девушка. – Проводим ликбез новым сотрудникам, Никита Андреевич? Никогда бы не подумала, что вы сильны в русской классике.

– Это почему же? – проворчал я. – Интеллектом не вышел?

– Ну, отчего же. – Варвара язвительно заулыбалась. – Ведь все вокруг такое смертное, подвластно тлену и гниению, а классика – бессмертна.

– Я не новая сотрудница, – тем же тоном отозвалась моя собеседница. – Незнанская Алла Михайловна, научный работник, собираю материал для диссертации и думаю, до конца недели, разумеется, с санкции Сергея Борисовича, проработаю в вашем музее.

– А это Варвара Ильинична Сташинская, пара... – я задумался, не сболтну ли что-то лишнее, – работница архивной службы и одно из доверенных лиц Сергея Борисовича. Вернулась из творческой командировки.

Действительно, глупо было представлять Варвару внештатным парапсихологом.

– Очень приятно, – отозвалась Незнанская. – Ну, не буду вам мешать. Прошу прощения, что отняла время у молодого человека.

Она, видимо, что-то сообразила – сдержанно улыбнулась и удалилась за стеллажи.

– Ну, вообще, Варвара Ильинична... – расцвел я, – вы – как снег на голову, но как же я рад вас видеть! Вы подхватили синдром Бенджамина Баттона?

– Это комплимент? – насторожилась Варвара.

– Это констатация. Ты неприлично помолодела за прошедшую неделю, – объяснил я. – Выглядишь здорово, кожа, как у младенца. Это последствия общения с очередной «алтайской принцессой»?

– Алтайская принцесса оказалась принцем, – насупилась Варвара. – И этот парень вряд ли собирался придавать мне товарный вид. Просто час назад я покинула салон красоты «Дуль-синяя», где теперь к услугам постоянных клиенток действуют хамам и омолаживающий турецкий массаж. Ты переводишь разговор? – Она искала глазами и не могла найти пропавшую Аллу Михайловну. – Развлекаешься в мое отсутствие? Наводишь мосты с очередной протеей Сергея Борисовича? Вы уже договорились о встрече в шикарном ресторане? Знаешь, дорогой, не хотелось бы мне думать о тебе плохо, но...

– Вот и не думай, – отмахнулся я. – Не заставляй меня наслаждаться твоей ревностью.

– Моей ревностью? – сделала круглые глаза Варвара. – Ты сейчас о чем? Мы кто друг другу? Где и в чем моя ревность?

– Именно в этом, – ухмыльнулся я. – Не надо желчи, дорогая. Я просто общался с человеком, который, кстати, сам попросил о содействии. А в роскошный ресторан я с ней не пошел бы даже под прицелом гранатомета.

– Почему? – не поняла Варвара. – Что в ней не так? Замужем?

– Понятия не имею. – Я пожал плечами. – Этот вопрос мы пока не обсуждали.

– У нее лишний вес, ты заметил?

– Да, заметил. Но с чего ты взяла, что он лишний? Вдруг он ей нужен?

Варвара прыснула.

– Пойдем отсюда. – Я потянул ее за рукав. – Вдруг Алла Михайловна нас слышит?

Последняя мелькала в конце зала в районе траурной «гардеробной» и никак не могла нас слышать. Мы отправились к выходу. Я жутко рад был видеть Варвару – соскучился за неделю. Руки сами тянулись к ней. Она шипела: «Что ты делаешь? Тут же люди...» – хотя, помимо мумии Ленина и костлявой смерти в комбинезоне, никого тут не было.

Я подловил ее в полутемном тамбуре, привлек к себе. Ее дыхание стало прерывистым, она расслабилась на несколько мгновений, глубоко вздохнула – значит, тоже ждала этот час! И

не важно, что натура вредная и во всем видит только изъяны и недостатки! Варвара вырвалась, шепнула «потом». Навстречу, тихо бормоча, шли молодые люди. Сдавленно хихикала девица.

Мы пропустили посетителей, вышли на улицу. Я закурил, с интересом разглядывая девушку. Она смутилась, подняла воротник курточки, защищаясь от промозглого августовского ветра.

– Ты же несерьезно про Аллу Михайловну? – спросил я.

– Да успокойся. – Она отмахнулась. – Я просто подзуживала тебя. Про эту особу рассказал Сергей Борисович. Она из Института антропологии имени товарища Миклухо-Маклая, реально готовит диссертацию, на что институт даже выделил небольшие средства. Их директор – старый полузабытый товарищ Якушина. Но видел бы ты свою физиономию, когда умничал про Чехова, а я тебя подловила. – Она засмеялась.

– Домой поедem? – спросил я.

– Это куда? – Она, кажется, о чем-то забыла.

– Ты у меня живешь, – напомнил я.

– Правда? – Она вздрогнула и засмеялась. – Ты опять попался. Будь осторожен, Никита. Я даже помню, что мы с тобой собирались в отпуск. Вот только запаматовала, куда – Бургундия, Нормандия, Шампань или Прованс... Дождемся Сергея Борисовича, поговорим, а потом, куда скажешь – к тебе домой, в турагентство...

– Сергей Борисович был расстроен, – сообщил я.

– Насколько расстроен? – насторожилась Варвара. – По телефону он таким не казался. Обычный озабоченный голос. Хотя ты прав. – Она тоже начинала скучнеть. – Если неприятности только зреют и носят неопределенный характер, это не способно отразиться на его ауре. Ты же не считаешь наш отпуск на грани исчезновения?

– Надеюсь, обойдется. Пойдем. – Я взял ее под локоть, и мы чинно двинулись по аллее, соединяющей корпуса музея.

Ветер уже не злобствовал, как получасом ранее. Облака проредились, робко выглянуло солнце, впрочем, быстро спряталось за набежавшей тучей.

– Что насчет алтайской мумии? – спросил я. – Ты на неделю исчезла с небосклона, это с чем-то связано?

– Не спрашивай, – поморщилась Варвара, – меня неплохо поселили, прилично кормили, возили к месту раскопок почти на границе с Китаем – там еще не все курганы разрушили, в отличие от старого военного укрепайона. Я моталась между гостиницей, раскопками, местным национальным музеем, какими-то «тайными вечерами» с ученым человеком. После случая с принцессой Ак-Кадын они стали осторожны, боятся делать резкие движения. И дело не только в том, что могут возмутить суеверную общественность. Бури, землетрясения, наводнения и град среди лета им абсолютно ни к чему. С принцессой достигли компромисса: ученые хотели оставить ее в Новосибирском музее археологии и этнографии, алтайцы – чтобы зарыли, где нашли. В итоге поместили в Национальный музей Горно-Алтайска и даже возвели для нее отдельную пристройку. Страсти улеглись. Та дама, возможно, и не была принцессой в классическом понимании – какие еще принцессы в V веке до нашей эры? Но особа непростая – чего стоят только шесть коней под седлами и сбруями, найденные в том же захоронении. Умерла от рака молочной железы в 25 лет, что вполне доказано. По легендам коренного населения, эта барышня хранила покой и стояла на страже врат подземного мира, не пуская к нам Зло из низших миров. Можно насмеяться над недалекостью аборигенов, но я бы не стала, в этом определении что-то есть.

– И ты им выдала свое квалифицированное экспертное заключение...

– Да куда там. – Она отмахнулась. – Я даже не говорила, кто я такая. Не хочу подвергаться насмешкам и обструкции. Мелкая научная сотрудница из Новосибирска, как-то получившая допуск. Двое знали – у меня сложилось мнение, что только им небезразлична судьба

целого региона. В общем, посоветовала зарыть обратно и не искушать судьбу. Там фактически кости, никаких лошадей со сбруями и золоченых колод. Но энергетика сильная... – Варвара поморщилась. – Полчаса в компании таких товарищей – и жить вообще не хочется... Я не могу понять – зачем тревожить землю, много веков и тысячелетий населенную духами природы и давно умерших людей и богов? Больше некуда приложить свои старания? Лучше бы пенсии подняли, дороги строили, не лезли в эту мутную муть.

– То есть людям с духами не договориться?

– Я бы смогла. Но это трудно, не хочу. Я пока в своем уме. Боюсь, однажды аукнется, явятся по мою душу. Помнишь, как в романе Стивена Кинга «Иногда они возвращаются» явились через тридцать лет по душу героя мертвые хулиганы. Вспомни, чем мы занимались три недели назад. Тагаринский район Красноярского края, все сопутствующие прелести. С тех пор меня бесят слова «раскопки», «склепы», «саркофаги»... Нужно время, чтобы привести в порядок голову, понимаешь?

– Я-то понимаю, – пробормотал я. – Главное, чтобы и Сергей Борисович это понял. Ты уверена, что не обзавелась на Алтае неприятностями?

– Не привезла ли я с собой какого-нибудь злого душка, вцепившегося в немытые волосы? – усмехнулась Варвара. – Не волнуйся, я не первый день на этой работе.

Время оставалось. Мы огибали аллею, окрестности которой в памятную ночь музеев стали местом массовых гуляний. Организаторы все смешали в кучу: старинный трамвай с фрагментом рельсов и шпальной решетки, броневик времен Гражданской войны с установленным на капоте пулеметом «Максим». Современный БТР, облезлая теплушка времен «великих репрессий», окопы с блиндажом и бруствером, символизирующие все войны XX века, которые в памятную ночь детвора (и примкнувшие к ним взрослые) излазили вдоль и поперек...

– Как наше посттравматическое стрессовое расстройство? – любопытствовала Варвара, перехватив мой взгляд, нацеленный на угловатый броневик.

– Неплохо, – похвастался я. – Дневные видения почти прекратились, ночные пока приходят. Но ты сама это знаешь – сколько раз затаскивала меня с пола на кровать. Таблетки не пью уже два месяца, состояние в норме, и даже последнюю неделю, пока тебя не было, спал, как убитый.

– Со мной хорошо, а с пивом лучше? – засмеялась Варвара.

– Не лучше, – смутился я. – Но пинту-другую для пушей крепости сна себе позволял.

– Иначе говоря, случилось чудо, – констатировала Варвара. – И с чем же это связано? – Она иронично прищурилась, намекая, очевидно, на причины, лежащие за пределами «нормального» мира.

– Время лечит? – предположил я.

– Разумеется, – всплеснула она руками. – Только время! И ни при чем тут целебная энергетика, проникающая через мифический «портал», настройка чакр для очищения каналов; прочая мистическая галиматья вроде установки на исцеление, которую ежедневно, между прочим, создает любящий человек, где бы он ни находился...

– А вот с этого момента можно поподробнее? – попросил я.

– Перебьешься, – отрезала Варвара, удивленно покосившись на свой локоть, который я прижал к себе. – Иди вон к верблюду, – кивнула она на дощатый загон на заднем дворе. – Он все еще там и ждет тебя. Да-да, тот самый Фараон, которого ты однажды спутал с настоящим. Тоже, между прочим, успокаивает и придает позитивный настрой.

– Зверинец какой-то, а не крематорий, – пробормотал я и засмеялся. – Сегодня новость прошла. На улице Выборной полиция отловила беглого коня. Бродил неприкаянно по жилым кварталам, к людям тянулся. Прибыл полицейский патруль, и коня арестовали, хотя ума не приложу, откуда у них опыт по аресту коней, где содержат арестованных и по какой статье их привлекают. В общем, дело темное, но первая мысль: не из крематория ли сбежал этот конь?

– Нам кони не нужны, – рассудительно сказала Варвара. – Руководство крематория увеличивает количество велосипедов для бесплатного проката. Теперь их двадцать штук – современные модели. Люди приезжают на автобусах или на своем транспорте, пересекаются на велосипеды и едут те пятьсот метров, что отделяют парковку от самой дальней точки колумбария. Идея странная, но знаешь, прижилась. Велосипеды используют все подряд – и молодежь, и пожилые.

В здании крематория проводились строительно-реставрационные работы. Строители не мусорили, почти не шумели – их неплохо натаскали. Мужики в серых комбинезонах затаскивали через боковую дверь мешки с цементом. Главный купольный зал доводился до ума, и люди, отвечающие за проект, обещали невиданную красоту. Сегодня проходила лишь одна церемония прощания. Несколько человек в темных одеждах покидали здание, спускались по лестнице, направляясь к микроавтобусу из ритуального агентства. Двое мужчин поддерживали пожилую женщину, она смотрела прямо перед собой, не видя, что происходит под ногами.

– Мало людей пришло на похороны, – тихо посетовала Варвара. – Очень мало. Это плохо.

– Покойнику какая разница?

– Разница, как в Одессе, – отрезала Варвара. – То есть большая. Чем больше людей придет проститься с телом, чем позитивнее будут их мысли о покойном, чем сильнее они будут желать ему добра, вечного царствия на небе, тем выше поднимется душа, найдет уютное местечко в тонком мире, будет ей спокойно и легко... Не просто так придумали – «о покойном либо хорошо, либо ничего». Сделай мертвому приятное, и он оплатит тебе тем же. Не веришь?

– Верю, – буркнул я. – Но покойник покойнику рознь. Есть такие, которых я бы и за версту не подпустил к раю. Только в ад – и никуда больше.

– А кто говорит про рай и ад? – удивилась Варвара. – Общие понятия. Все наши души обитают в тонком мире, только условия там, знаешь ли, разные. Зачем я тебе об этом говорю? Ты никогда не примешь эту теорию. Хоронили, кстати, одинокую молодую женщину. Ей было около сорока. История тяжелая, грустная. Ребенка потеряла много лет назад, родить повторно не смогла. Муж ушел, жила в одиночестве, работала в библиотеке. Круг общения – только кот. Неплоха собой, могла бы наладить жизнь, но что-то сломалось в душе, уже не хотела. Уехала жить на дачу, кота взяла с собой. Его мотоциклист сбил. Решила похоронить на участке, взяла лопату, нашла местечко в углу территории. Рыла могилу – тут случился сердечный приступ, упала в вырытую яму. Звать на помощь не могла – а может, и не хотела... На участке высокий забор. Она пролежала не меньше недели, представляешь? Никто не хватился. Ни семьи, ни друзей, ни знакомых толком. Городские соседи знали, что она уехала на дачу. Из родственников только мать, живет в другом городе – у нее активная жизнь и «молодой человек», с дочерью в натянутых отношениях, могли месяцами не созваниваться. Ужасное стечение обстоятельств, представляешь? Сосед по даче почувствовал запах с другой стороны забора, когда боролся с травой. Сначала решил, что кошка сдохла. В принципе, не сильно ошибся. Стучался к соседке, кричал. В результате сломал крючок на калитке, проник на территорию. Когда увидел все это, в ужасе выскочил обратно. Позвонили матери – женщина прилетела, распорядилась о погребении.

– Откуда знаешь? – спросил я. – Ты с Алтая приехала, дальше салона красоты не ходила, с людьми не общалась. Пересеклись на тонком плане и она тебе пожаловалась?

– Она работала вместе с нами в ГПНТБ, правда, в другом отделе, – вздохнула Варвара. – Я иногда ее видела – спокойная, отзывчивая, немного замкнутая. Коллеги рассказали об этом кошмарном случае.

У боковой стены крематория вполголоса выражался «мастер изящной словесности». Материться в полный голос строителям запретили. Но какая стройка без всепобеждающего русского мата? Нереально. У бокового входа работала бетономешалка, строители в комбинезонах укладывали в носилки дорогие стенные панели. Парочку, похоже, разбили – что и

вызвало негодование прораба. До полного завершения работ в купольном зале оставалось совсем немного. Рабочие, сгибаясь от тяжести, унесли носилки. На крыльце остался прораб – Гулямов Павел Афанасьевич, крепко сбитый седоватый мужчина. С Якушиным его связывали давние «рабочие» отношения – доверить посторонним столь ответственную работу Сергей Борисович не мог.

Гулямов представлял строительную контору «Альфа-строй», сам отбирал рабочих. Якушин ему доверял, и пока Гулямов шефа не подводил. На крыльце возникли еще двое с непривычно русскими лицами. Они активно жестикулировали, доносились слова «липовые накладные», «кирпич – не тот», «раствор – фуфло» – и все это перемежалось непечатной лексикой. Когда мы проходили мимо, они убавили громкость, но продолжали жестикулировать.

– Добрый день, Варвара Ильинична, – манерно раскланялся Гулямов. – Сегодня превосходный день, не находите?

Похоже, постоянное присутствие рядом со смертью этих людей уже не шокировало – притерпелись. Притупляются эмоции, когда изо дня в день одно и то же. Как не вспомнить сотрудников многочисленных ритуальных контор, работников моргов, врачей реанимации, инспекторов ГИБДД, выезжающих на аварии со смертельным исходом, оперативников из убийных отделов.

– И вам здравствуйте, Павел Афанасьевич, – откликнулась Варвара. – Денек превосходный, если не сдует.

Прораб засмеялся, приветливо кивнул мне. Я изобразил шутливое отдавание чести на польский манер.

– Я с Сергеем Борисовичем могу поговорить? – басом пророкотал прораб.

– Можете, – кивнула Варвара. – Но только после нас.

– Подождите, товарищ... – Ко мне семенил один из рабочих – светловолосый, не брившийся всего пару дней (что для его профессии сушая ерунда), он виновато улыбался. – Николаев Олег, помощником тружусь у Павла Афанасьевича. Извините, руки не подаю, измазался, как черт. Ради бога, одолжите пару сигарет, или больше, если можно. С возвратом – не думайте. Мы не нищие, но так сложилось сегодня, проклятье какое-то. А где купить? Ни одного магазина в радиусе пяти километров, глухая сельская местность, етить ее...

– Да, Олег, понимаю ваши терзания. – Я вытряс на ладонь несколько «курительных палочек». – Курите, как говорится, на здоровье.

– Спасибо огромное, я все верну, можете не сомневаться. – Рабочий заулыбался, начал отступать с добычей.

– Николаев, давай быстрее! – гаркнул прораб. – Учтите, если сегодня не закончим эту стену, завтра ожидается кара небесная!

– Нехорошо мне как-то, – обнаружила Варвара, когда мы остались одни на усилившемся ветру. Она поежилась, потерла ладошкой лоб, жалобно посмотрела на меня, словно обращалась за помощью.

– Что такое? – Я завертел головой. Рабочие растворились в недрах черного хода. На главном крыльце никого не было. По Парку Памяти гуляли несколько человек – их не страшила непогода. Но это было далеко, и в нашу сторону никто не смотрел. Временами я дико сочувствовал Варваре – трудно жить в нескольких мирах одновременно и при этом не знать, из какого мира в тебя прилетит.

– У тебя пропущенный с того света? – неловко пошутил я.

– Не знаю. – Варвара глубоко вздохнула, поморщилась. – Укололо что-то. Словно шампур воткнули в спину, – пошутила она. – Не могу понять, с чем это связано, но что-то здесь не так...

– Может, домой поедem? – предложил я. – Машина рядом, она всегда к твоим услугам.

– Нет уж, пойдем к Якушину.

Глава вторая

Сергей Борисович в этот час тоже не отличался бодростью духа. Он сидел с мрачным видом за столом, перелистывал бумаги. Рядом стояла прозрачная чашка с остывшим чаем из пакетика «Липтон». Он поднял глаза, кивнул – мол, присоединяйтесь. Варвара забралась на свое любимое место у шкафа, я сел напротив Якушина.

– Чаю хотите? – спросил Якушин.

– Не откажемся, – кивнул я, – но лучше кофе. А Варваре Ильиничне чай – она следит за цветом лица.

С лицом у Варвары был полный порядок, как у малого дитя. Но надо поддерживать текущие достижения. Сергей Борисович тоже оценил увиденное – выразил мимикой одобрение и вновь озаботился. Об «алтайских» делах они не поминали, давно все выяснили по телефону. Вошла Лариса, видимо, повинуясь адресной телепатии, сообщила, что через несколько минут будет чай и кофе. Я уже ничему не удивлялся.

Потом вошел опрятный полноватый мужчина лет тридцати, приблизился бесшумным шагом и вопросительно уставился на Якушина.

– Кстати, познакомьтесь, – бросил Сергей Борисович, – наш новый сотрудник, Михаил. Работал в институте археологии, потом в краеведческом музее, теперь у нас. Будет руководить персоналом низового звена. В некотором роде заместитель директора.

– Михаил, – протянул руку мужчина.

Я вежливо привстал, ответил на рукопожатие. Ладонка у работника была мягкой, и сам он зримо напоминал Колобка. Улыбался как-то застенчиво, но в глазах поблескивали ум и сообразительность.

– Не архангел, – вздохнул Якушин, – только учится. Как в песне: сделать хотел грозу, а получил... несколько оплошностей в работе. Надеюсь, впредь он такого не допустит.

– Сергей Борисович, я же объяснял... – упитанные щеки молодого человека заалели, он сглотнул. – Я все понял, Сергей Борисович, больше такого не повторится.

– Заберите эти бумаги. – Якушин захлопнул папку и отдал сотруднику. – И впредь старайтесь не беспокоить по мелочам. Незначительные организационные вопросы вы в состоянии решить самостоятельно. Вам доверена ответственная руководящая должность. Ступайте, Михаил. Когда потребуется – пригласим.

Молодой человек, неслышно ступая, удалился, плотно прикрыл дверь. Образовалась Лариса с подносом, расставила чашки, пристроила на столе коробочку с конфетами и тоже испарилась.

– Есть мнение, что нам пора расширять штат, – нарушил молчание Сергей Борисович. – Порой хватаешься за голову, работать некому, впору самому решать проблемы с сантехникой и электрикой, встречать посетителей, водить их по залам, все показывать. Или привлекать вот этого парня, – кивнул он на дверь, – или ту же Незнанскую из Москвы – все равно болтается по музею без всякой общественной пользы. Трое на больничном: у Шмаковой ангина посреди лета, у Войнович синдром раздраженного кишечника, Зелинская Анфиса Павловна тоже до сих пор не выздоровела, вы прекрасно помните, почему. Морозова Галина – на восьмом месяце...

– Беременность – это болезнь? – на всякий случай уточнил я.

– Что? – не понял Якушин. – Ой, да ладно вам...

Пока он отвечал на смс-сообщение, я выпил свой кофе и стал страдать из-за невозможности закурить.

– Я слышал, вы с Варварой Ильиничной собираетесь в отпуск? – мягко спросил Якушин. Я напрягся.

– От кого вы слышали?

– От Варвары Ильиничны. – Якушин улыбнулся, сумрачное лицо его ненадолго осветилось. – Но пока не решили, куда именно. Впрочем, это не важно, лишь бы подальше, и чтобы поездка не была связана с раскопками и саркофагами. Шучу, Никита Андреевич, ни в коем случае не собираюсь посягать на ваши планы, просто прошу проделать перед отпуском небольшую работу. Пока еще не знаю, с чем это связано и связано ли вообще.

Как это знакомо! Сначала включается интуиция, терзают сомнения, переходящие в подозрения, и лишь потом происходят реальные неприятности. Иронизировать бесполезно – ошибочных выводов на моей памяти Сергей Борисович еще не делал.

– Я готов выполнить любую работу, – сказал я, – располагайте мной, как считаете нужным, – и добавил в качестве юмора: – Но только не раскопки и саркофаги...

– Спасибо, Никита Андреевич.

– Ага, готов он выполнить любую работу, – сварливо бросила Варвара. – Он гениальный сыщик, ему помощь не нужна.

– Тогда давайте уверенно смотреть в светлое будущее, – сухо улыбнулся Якушин.

«Будущее не может быть светлым, – мрачно подумал я, – потому что именно в будущем мы склеим ласты».

– Тучи сгущаются, Сергей Борисович?

– Но вихри враждебные пока не веют, – поддержал он шутку. – Варвара Ильинична не даст соврать – начинает происходить что-то странное. Вы ведь тоже чувствуете, Варвара Ильинична? Можете не отвечать, поберегите энергию слов. Все недавно поступившие экспонаты прошли проверку – они вне подозрения. Небольшие неприятности с «закадычными и заклетыми партнерами» из других регионов имеют место, но это другая история. За шлагбаумом, там, где улица Шоссейная обрывается тупиком, несколько дней стоит машина – черный «Шевроле-Камаро», кузов купе, год производства, по уверению наших охранников, примерно 2003–2004-й. Машина мощная, порядка 300 «лошадей», можно сказать, спортивная.

– Ерунда, – буркнул я. – Красная цена в базарный день – 400 тысяч. Машинка неплохая, соглашусь, можно сказать, легенда на колесах, но на фоне того, что ездит по нашим дорогам, особенно ближе к центру – вообще не впечатляет. И с годом выпуска ваши охранники ошиблись. Производство «Камаро» закрыли в 2002 году. Заново открыли только в 2009-м, полностью сменив технологию и внешний вид автомобиля. Машина, уверен, еще из старых.

– Поправка принимается, – кивнул Якушин. – На фоне новомодных джипов и прочих чудес автопрома эта штука в глаза не бросается. Повторяю, она стоит за шлагбаумом уже несколько дней. Иногда уезжает, потом опять появляется и тихо присутствует среди прочих машин. В салоне двое мужчин. Регион – 96-й, это Урал, что ни о чем не говорит, нынче при покупке можно не переоформлять регистрационные знаки. Мужчины средних лет, нормально одеты, делают вид, что их вовсе не интересует то, что происходит за шлагбаумом.

– А что происходит за шлагбаумом? – перебил я. – Разве возбраняется въехать внутрь, посетить крематорий, музей, побродить по Парку Памяти? Для этого не надо представляться, показывать документы, сообщать цель визита.

– Ох, любите вы перебивать, Никита Андреевич, – вздохнул Якушин. – Излагаю по порядку. Возможно, из этой компании кто-то и посещает наши уголья, но делает это на других машинах или даже пешком, нам сие неизвестно. Что касается «Камаро» и его экипажа, то они часто стоят напротив выезда. Иногда мужчины выходят, прогуливаются, курят, общаются по телефону. Там много людей, много машин, и, возможно, они считают, что остаются незамеченными.

– И что? – спросил я. – Вызывать национальную гвардию? Какими законами это запрещено?

– Никакими, – признался Якушин. – Иногда эти люди уезжают. Ночью их нет. Утром приезжают, как на работу. Они словно провоцируют нас, а мы бы предпочли не поддаваться на провокации. Вызывать полицию – глупо, они реально не совершают ничего противозаконного.

– Вы уверены, что провоцируют именно вас и ваших людей?

Наступило продолжительное молчание. Даже Варвара воздержалась от комментариев.

– А кого? – тихо спросил Якушин.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Просто мысль такая. Можете не обращать внимания.

– Хорошо, не буду, – кивнул Якушин. – Представители службы безопасности вчера к ним подошли, вежливо спросили, почему их машина здесь стоит. Собеседник оказался вежливым, пояснил, что они недавно подъехали, похоже, заблудились, прибыли не в тот конец города. И искренне удивился, когда мои люди попросили предъявить документы: разве у них есть такие полномочия? Полномочий нет. Они не полиция. Машина стоит вне пределов нашей зоны. Формально они имеют право разбить палатку и пожить на обочине. Однако после встречи с нашими работниками эти люди уехали и вчера не возвращались. Сегодня утром снова возникли, но долго не простояли, и в салоне был лишь один мужчина – с усами.

Сергей Борисович выложил на стол фотографию. Я вытянул шею. За спиной зашуршало – Варвара покинула насиженное место. Охранники Якушина сняли эту парочку с хорошим разрешением, что позволило приблизить кадр. Темноволосый мужчина в костюме стоял у капота черного «Камаро» и говорил по телефону. Короткая стрижка, короткие усы, слегка обвисший подбородок. Лицо – без эмоций. Напарник сидел за рулем и тоже неплохо подставился. Череп слегка вытянут вперед, глубокая залысина через макушку, а в остальном – ничего особенного.

– Тарапунька и Штепсель какие-то, – пробормотала Варвара.

Мне тоже эта мысль пришла в голову. Советские артисты разговорного жанра несколько десятилетий смешили народ, отвлекая от тягот сначала недоделанного, а потом развитого социализма. Березин и Тимошенко, если память не подводит. Физиономии менее выразительные, но запомнить этот дуэт несложно.

– Хорошо, что не Авдотья Никитична с Вероникой Маврикиевной, – усмехнулся я. – Понятно, Сергей Борисович.

– Возьмите себе, может, пригодится. Глупо предполагать, что мы, используя связи в полиции, не пробили номера. Машина находится на балансе Московского банка реновации и развития, понимаете, как хотите. У банка несколько филиалов, более подробной информации получить не удалось. Видимо, и у ГИБДД есть ограничения на доступ к информации.

– Проследить за машиной несложно, – пожал я плечами. – Это все?

– Нет, – покачал головой Якушин. – За последние дни в музей несколько раз в качестве посетителя приходил мужчина. Он не молод и не стар, я бы дал ему лет 47–48. Замкнутый, какой-то настороженный, ведет себя тихо, на фоне прочих ничем не выделяется. Одет неброско, но добротно. Я сам его видел и не могу избавиться от ощущения, что он либо в прошлом военный, либо работал в спецслужбах, либо служил в полиции – причем в структурах, где требуется держать включенной голову. Не знаю, почему такое ощущение, могу ошибаться. Если быть точнее, он приходил трижды, сегодня его не было, но еще не вечер. Сначала на него не обратили внимания – обычный посетитель. Обошел один корпус, потом другой, потом вернулся в первый и вновь совершил вояж по залам. Потом Рита – это наша работница, сменщица Ларисы – сообщила Михаилу, а тот мне, что она опять засекла вчерашнее лицо. И вот тут нам стало интересно. Он снова ходил по залам, украдкой оглядывался, кажется, засек, что за ним наблюдают, смутился и был таков. Сел в подержанную «Тойоту», которую оставил на парковке, и уехал. Но самое странное, что появился и на следующий день, в третий раз, причем надел очки, думал, что легко нас проведет. Поднялся на второй этаж первого корпуса, слонялся по залу. Тут Лариса, принявшая смену, и обнаружила, что он не просто так ходит, а интересуется

исключительно экспонатами у дальней стены и использует некий прибор – словно дозиметром проверяет уровень радиации.

– А можно доходчивее? – попросил я.

– Извольте, – пожал плечами Якушин. – Все, что видела Лариса, – это прибор наподобие плоского смартфона, но незначительных размеров. На приборе переливались индикаторы, но здесь она точно не уверена. В зале никого не было, Лариса встала за колонну и некоторое время наблюдала. Мужчина стоял к ней спиной. Она заметила, что он как-то возбудился, стал качаться с этим своим прибором, словно маятник, – то влево отступал, то вправо. Потом сместился в правый угол, как-то замер... Потом издал звук, означающий, видимо, разочарование, приглушенно чертыхнулся и спрятал прибор в боковой карман пиджака. Сложилось впечатление, что он вот-вот должен что-то найти, точно зная, что это находится здесь, но никак не может этого сделать, точное знание ускользает...

– Это было вчера, в воскресенье, 12 августа? – на всякий случай уточнил я.

– Именно, – кивнул Якушин. – Музей работал. Он всегда работает, кроме ночного времени. Лариса набралась храбрости, подошла к нему. Он вздрогнул, услышав ее голос, как-то дернулся, явно испугался. Она спросила, что тот хочет. Тот справился с испугом, ответил, что просто осматривает выставку, потом понес какую-то галиматью, что он научный работник, собирает материал по старинным обрядам и ритуалам, услышал про наш музей, приехал сюда. Никакого прибора у него нет, это просто телефон, девушка ошиблась. Почему он должен его показывать? Девушка из полиции? Понятно, что никакой материал он не собирал – с таким-то лицом и с таким поведением... Он словно не от мира сего. Условные рефлексy работают, но реакция приторможенная: долго думает, прежде чем дать ответ на поставленный вопрос. Мнение Ларисы может быть субъективным, и это ничего не значит. Ей стало не по себе – у субъекта был странный взгляд. Однако ничего не случилось. Он быстро вышел из зала, спустился по лестнице. Я находился в этом помещении, видел, как он уходил – весь раздосадованный, даже разозленный. Все произошло очень быстро, я не успел составить представления об этом человеке. Позвонил охранникам на въезде, они сообщили, что серая «Корона» выехала с территории, подалась в город, за рулем сидел тот самый парень...

– Номера машины?

– Пока информации нет. Ждем.

– А что субъекты в «Камаро»?

– В этот час их не было за шлагбаумом. А если присутствовали, то в глаза не бросались.

– Давайте честно, Сергей Борисович, – предложил я, – этот тип тоже не совершал ничего противозаконного. Трижды приезжал в музей – ну и флаг ему в руки, значит, понравилась тема. Он же покупал билет, не прорывался бесплатно? Странное поведение? И что с того? У нас половина населения либо страдает психическими отклонениями, либо сама по себе странная. Он же не казался совсем невменяемым? Подносил к экспонатам нечто схожее с телефоном, словно снимал показания... Насколько я понимаю, это тоже не запредельный криминал. Кстати, что он мог снимать?

– Понятия не имею, – пожал плечами Якушин. – Пусть даже уровень радиации, его тут точно нет. Все в норме, разве может быть иначе?

– Однако, если верить Ларисе, прибор о чем-то сигнализировал.

– Это не радиация.

– А что? Ну, хорошо, допустим, он выявлял предмет с энергетикой, и его прибор эту энергетику фиксировал.

– У любого предмета есть энергетика, – подала голос Варвара. – Вопрос в ее плотности и качестве. Энергетика может быть сильной или слабой, отрицательной или положительной, энергетикой обладают люди и даже целые города.

– Ну, хорошо, он искал предмет, обладающий определенной энергетикой, нужного ему качества и направленности. Что он мог искать, Сергей Борисович?

– Я клянусь, что не знаю, – развел руками Якушин. – В музее все проверено, постоянно замеряется радиационный фон. Все подозрительные предметы обследуются. Все, что может вызвать подозрение, тут же попадет на карандаш, мы просто не сможем пройти мимо, не почувствовав. По уверению Ларисы, на приборе в руках мужчины не было никакой шкалы, чтобы выявлять рентгены, или что там еще. Несколько сигнальных индикаторов, размещенных в ряд. Возможно, не все, но часть их мигала фиолетовым. У Ларисы острое зрение, у меня нет оснований обвинять ее в фантазиях.

– Отчасти соглашусь с мнением предыдущего оратора, – сказала Варвара. – Возможно, в действиях человека не было ничего незаконного, но вел он себя странно и непредсказуемо. Музей имеет право знать, что это было и откуда ждать потенциальную угрозу.

– Спасибо, Варвара Ильинична, что внесли ценную ремарку, – отозвался я. – Нам самим об этом ни за что не догадаться. Вам требуется мнение профессионального детектива, Сергей Борисович? Или профессионального астролога? Первое: вы видите связь между людьми в «Камаро» и этим странным человеком с загадочным прибором?

– Об этом свидетельствует только интуиция, – признался Якушин. – Других свидетельств нет.

– Она вас часто подводила?

– Редко. Но случалось.

– Второе. Пока не будет опровергнута моя версия, предпочту ее придерживаться. Она гласит: у человека скрытое умственное расстройство. Он немного не в себе – об этом говорят внешний вид и поступки. У него навязчивая идея, он ищет то, чего в природе нет, и с пути он не свернет, пока не сломает себе шею. Почему вы все на меня смотрите? – обнаружил я. – Чем эта версия хуже других?

Нельзя пренебрегать мнением дурака. Очень часто именно оно оказывается истинным.

– И третье, – подытожил я, – если вас не устраивает моя версия, нужно лишь дожидаться, чтобы этот тип нарисовался в четвертый раз. Он, может, и не сумасшедший, но идея у него явно навязчивая. Он обязательно придет. Теперь мы знаем, что его волнует зал на втором этаже. Он не такой большой. Поместить туда пару крепких охранников под видом манекенов... Виноват, Сергей Борисович, это шутка. Но смысл вы понимаете. Посетитель должен получить беспрепятственный доступ на второй этаж.

– Да, я понимаю вашу мысль, – крикнул Якушин. – Возможно, вы правы. Наши охранники – не полицейские, они не имеют права задерживать и помещать под стражу. Но в случае возникновения опасности они обязаны действовать, а не смотреть, а потом сообщать органам.

– Так что проинструктируйте людей, особенно на въезде. Когда он подъедет, вы будете во всеоружии.

– Ты не проводишь аналогии с майским делом гражданки Марии Власовой? – негромко и без всякой иронии спросила Варвара. – Помнишь, как человек, представившийся Кротовым, несколько раз приходил в музей? И чем это кончилось?

– Не вижу аналогии. – Я решительно замотал головой. – Тот случай был вопиющим, беспрецедентным, уникальным, и мы поступили правильно, сделав вид, что о нем забыли. История не повторяется, разве что в виде фарса. Давайте будем реалистами. И четвертое, Сергей Борисович, по аналогии с господами на «Камаро»: жду от вас фото этого посетителя.

– У меня оно есть, – кивнул Якушин, нашел нужную фотографию в смартфоне и повернул ко мне. – Это скриншот записи камеры видеофиксации на парковке, когда он уезжал.

Мужчина открывал дверцу серой «Короны», а этот момент и попал в объектив. Длинный серый пиджак спортивного покроя, джинсы. Он целеустремленно распахивал дверь, сжав губы. Лицо скуластое, гладко выбритое, глаза немного мутные, но не сказать, что безумные. В лице

досада, в коротких волосах блески седины. «Полтинник» он еще не разменял, но уверенно приближался к дате полувекового юбилея. Я всматривался в его лицо и не отмечал в организме отрицательных вибраций. Этот индивидуум не был злодеем, во всяком случае, по своей натуре.

– Мне кажется, он действует не по своей воле, – заметила Варвара. Она подошла и пристально всмотрелась в снимок. – Его убедили или внушили, и он в это поверил. Он нормальный мужик – немного упрямый, временами вспыльчивый, у него определенно высшее образование, одинокий, весь какой-то разрываемый противоречиями.

– Но если он под внушением – то может представлять опасность? – спросил Якушин.

– Думаю, да.

– В общем, проработайте эту тему. – Якушин глубоко вздохнул, посмотрел на часы, намекая, что randevу подошло к концу. – Я не заставляю вас, Никита Андреевич, сидеть на месте и ждать. Занимайтесь своими делами, но держите ситуацию на контроле. Вы знаете, как сюда доехать. И не отказывайтесь от помощи Варвары Ильиничны, вы не всезнающий голливудский коп, что работает без напарников. У вас неплохо получается вместе.

Я с усмешкой покосился на Варвару. Ответный взгляд был аналогичным. Мы не были с ней Шерлоком Холмсом и доктором Ватсоном, не были Ниро Вульфом и Арчи Гудвином. Напрашивалась аналогия со Змеем Горынычем: головы вроде разные, а место для приключений – одно.

– Прошу меня простить, я должен идти. – Якушин поднялся. – Охрана с персоналом будут оповещены и проинструктированы. Вы поняли задачу, Никита Андреевич?

– Отчетливо, Сергей Борисович.

– К сожалению, должен украсть у вас Варвару Ильиничну. Понимаю, что она с дороги и вы неделю не виделись, но, увы, есть дела. Можете подождать ее здесь.

Мои собеседники удалились. Я посмотрел им вслед, пожал плечами. Сделал себе кофе, снова сел. Открылась дверь, заглянула Лариса, хлопнула длинными ресницами.

– А Сергей Борисович...

– Я за него.

– О нет, только не это... – Она шутливо возвела глаза к потолку и закрыла дверь с обратной стороны. Через пару минут сунулся Михаил, открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал.

– Зайдите попозже, – сказал я.

– О да, конечно. – Молодой «руководящий работник» тоже испарился.

Я задумался: не настало ли время Аллы Михайловны? Она вошла – хорошо причесанная, в элегантном костюме со светлым орнаментом. Нахмурилась, обнаружив совсем не то, что рассчитывала, поколебалась, словно не могла вот так с ходу вспомнить, кто я такой.

– А Сергей Борисович...

– Отлучился, – объяснил я. Она опять поколебалась.

– Насовсем? Ой, простите... я хочу сказать, он сегодня еще будет?

– Обязательно. Вам нужно только подождать, Алла Михайловна.

– Тогда я подожду снаружи, хорошо, Никита Андреевич?

– Без проблем, Алла Михайловна.

Больше никто не заходил. Я стянул с соседнего стола тяжелый атлас, пристроил перед собой и стал перелистывать. Это было красочное, насыщенное живописными снимками, практически «подарочное» издание, посвященное творениям небезызвестного доктора Хагенса. Книгу издали в Германии, русского перевода, видимо, не было.

Знаменитый скандальный доктор Гюнтер фон Хагенс – не каждому доктору на этой планете удастся заполучить «почетное» прозвище Доктор Смерть. До Хагенса это удалось только доктору Менгеле, проводившему опыты над узниками Освенцима.

Выставка «Мир тела», которую Хагенс возил по городам и странам, собирала толпы восхищенных поклонников и столько же противников, категорически отвергающих его творчество и его одиозную фигуру, вечно предстающую в черной шляпе (именно их носили анатомы эпохи Возрождения).

Еще в 70-х он изобрел метод консервации тел, названный пластинацией. Все жидкости в трупах заменялись пластмассой, резиной, латексом. На мертвые тела воздействовали высокой температурой, а потом обрабатывали специальными химикатами. Ткани высыхали, не подвергаясь гниению, не издавали запахов, смотрелись, как новые. В плане гигиены это было величайшим достижением. Медицинские институты были только «за». Мертвецам, приготовленным по методу доктора, не требовались специальные условия, они могли храниться хоть в учебных классах, наряду с другими наглядными пособиями.

Но Хагенсу было мало, он сделал пластинацию прибыльным бизнесом, препарировал тела сотнями, готовя из них экспонаты для выставки. Он объездил со своей экспозицией многие страны, заработал кучу денег и плевать хотел на шквал обвинений в эпатажности и безнравственности.

Лично я такого «авангардизма» не понимал, машинально перелистывал атлас с качественными фотографиями. С тел снималась кожа, оставались внутренние ткани – мышцы, мускулатура, жировые отложения, кости скелета. Смотреть на это было странно особенно тому, кто не являлся поклонником доктора. Беременная женщина, вскрытая так, что виден семимесячный плод, тела уродцев, трупы людей с обезображенными болезнями органами. Баскетболист, ведущий мяч с широко распахнутыми глазами – весь на эмоциях, «живой», динамичный. Спортсмен на брусьях, задумчивый шахматист перед доской с расставленными фигурами, одноглазый капитан за штурвалом судна, пара любовников, решивших заняться сексом... Все это шокировало. Но были тысячи желающих отдать свое тело доктору после смерти – чтобы их выставили напоказ без кожи и одежды, сделали очередным экспонатом жутковатой экспозиции. С этими «добровольцами» представители фирмы Хагенса подписывали юридически безупречный договор.

Для специалистов это представляло интерес. Лично мне сегодня не хотелось бороться со смешанными чувствами. Я закрыл атлас, отодвинул от себя. Детище доктора Хагенса продолжали сотрясать скандалы. В «Шпигеле» появилась информация, что на выставке Хагенса присутствуют экспонаты, изготовленные из казненных граждан Китая. Весомые доказательства отсутствовали, но бомба взорвалась. Фирма выкручивалась, опровергала, доктор делал официальные заявления, что его анатомические лаборатории никогда не используют пластины из тел приговоренных к смерти. Все его экспонаты еще при жизни завещали использовать свои тела в научных целях! Но допустил, что сотрудникам могли «подсунуть» тела казненных.

Подобный же скандал разразился в Киргизии: когда выяснилось, что из Бишкека в институт пластинации в Гейдельберге отправились 30 тонн «специальных анатомических материалов»! Киргизские депутаты (видимо, из тех, которых обделили) потрясали кулаками на трибунах – кричали, что 30 процентов экспонатов выставки Хагенса – граждане Киргизии, и они не давали своего согласия! Представителям Хагенса пришлось признать, что «несколько» трупов поступили их киргизских колоний для эков за умеренную плату.

Подобный же скандал в моем родном Новосибирске! Начальника областного бюро судмедэкспертизы обвинили в незаконном вывозе 56 тел в гейдельбергский институт пластинации, руководимый женой профессора. Властное лицо отстранили от должности, судили и вынесли, разумеется, оправдательный приговор. Его обжаловали родственники умерших – они не давали согласия на вывоз тел. Материалы снова направили в суд, кассационная коллегия отменила оправдательный приговор, и все это здорово напоминало сказку про белого бычка.

Сработал телефон, и на экране возникло сосредоточенное личико Варвары. Я бы предпочел узреть его во плоти.

- Прости, Никита, тебе придется развлекаться самому... по крайней мере, какое-то время. У нас с Сергеем Борисовичем очень много дел, не знаю, когда освобожусь.
- Могу подождать, – уныло буркнул я.
- Не стоит, это затянется. – Варвара вздохнула. – Меня подвезет водитель Сергея Борисовича. Правда, Никита, очень много работы. Ты пиши, если что...

Глава третья

Вторую половину дня я прозябал в тоскливом одиночестве. Чем занималась моя возлюбленная с моим работодателем, лучше не спрашивать. И уж ни в коем случае при этом не присутствовать. Про тонкие миры с подозрительными обитателями, одноименные тела и планы я уже был наслышан. Как исследуют артефакты на предмет отрицательной энергетики, имел представление смутное и по-прежнему считал это чем-то непостижимым и, если честно, завидным. Она никогда и не откровенничала на данную тему.

Однажды мы выпили вина, и Варвара стала объяснять элементарные принципы телепатической связи, с помощью которых можно воздействовать на людей. То, что испускается специалистом, – телепатема. Другими словами, телепатическая информация или пси-информация. Установка, программа, пожелание, вколачивание знаний в голову и тому подобное. Специалист – человек-индуктор. Объект внушения – реципиент. Обладая даром и умением, внушить можно все, пусть не сразу, постепенно, закрепляя пройденное и освобождая пространство для дальнейшей работы. Результат деятельности – новые мысли у реципиента, порой в корне противоречащие его мировоззрению.

Это не значит, что он сразу побежит исполнять команду (или бросит пить, курить, блудить, хотя бывало и такое), поначалу будет удивляться, откуда у него такие мысли? А настолько ли они неверны?

«Со мной ты тоже что-то делаешь?» – спросил я. Варвара даже оскорбилась. «Тебя терзают необычные мысли?» – «Вроде нет». – «Тогда какого, спрашивается?..» – «И какая нам от твоих умений практическая польза?» – «Как же ты не понимаешь! – злилась Варвара. – Есть множество ситуаций. Представь такую. Ты оказался вдалеке от меня, сидишь где-нибудь в ресторане в сомнительной компании, скажем, со своим знакомым ментом и парой девиц легкого поведения. При этом ты забыл дома телефон, или, что еще хуже, отключил его. И в этой момент я, находясь за тридевять земель, подвергаюсь смертельной опасности! Я отправляю тебе пси-информацию, она закрепляется у тебя в голове, вместе с ней поступают координаты, где именно я нахожусь. Ты бросаешь все и мчишься меня спасать!» – «Из ресторана с девочками – да за тридевять земель?» – уточнил я. Просто не сдержался, пошутил. За что и был лишен текущей ночью главного, что нужно для счастья, – сна и секса...

Этой женщины мне категорически не хватало. В расстроенных чувствах я дошел до машины, поехал в город. «Субъект с прибором» где-то задерживался, за шлагбаумом тоже ничто не напоминало «Камаро» лохматого года выпуска. Хотя это утешало.

Через полчаса я сидел в «KFC» на проспекте Дзержинского, поглощал бургеры с хот-догами, когда поступил звонок от моей помощницы и секретарши Риммы Казаченко.

– Ты где? – бесцеремонно спросила Римма.

– А ты мне жена?

– Хорошенькая постановка вопроса, – возмутилась подчиненная. – То есть это важная государственная тайна?

– В «Ростик» заскочил, – признался я. – Поедаю пищу, наполненную энергией мертвых. Ты, как всегда, вовремя.

– Не способствую пищеварению? – обиделась Римма. – Кто же виноват, что ты постоянно ешь? Запомни, если хочешь продлить свою жизнь, укороти свои трапезы.

– Это ты сказала? – насторожился я.

– Нет, Бенджамин Франклин.

– Это парень, который на долларе?

– На ста долларах.

– Да, это придает весомости его словам. – Я дожевал и засмеялся. – Какая ты глубокая, Римма Владимировна. Есть новости?

– Я сделала прививки от клеща и от гриппа – обновила, так сказать, антивирусную базу.

– Ты мне еще расскажи, как красила ногти, – рассердился я. – И в какую щеку тебя на прощание облобызал Федор. Новости есть, спрашиваю?

– Какой ты грубый, – опечалилась Римма. – Я сейчас перебирала твои бумаги на столе, наткнулась на платежки за прошлый месяц, какие-то извещения. Это возмутительно, Никита Андреевич. Если ты не хочешь их оплачивать, то хотя бы распишись, я сама оплачу. Чего мы ждем? Гуманитарной помощи от российских властей? Умрем, не дождемся.

– Хорошо, – поморщился я, – сейчас приеду. Минуточку, что ты делаешь в бумагах на моем столе? Собираешь и обрабатываешь мои персональные данные?

– Ой, ладно, не придирайся, – ухмыльнулась Римма. – Я же та еще шпионка... Я, кстати, предупреждала тебя, Никита, если хочешь от меня что-то спрятать, прячь где угодно, но не в офисе.

Еще через полчаса я бросил машину на газоне у солидного дома на улице Потанинской (почти без риска, сюда никакой эвакуатор не протиснется) и направился к офису на первом этаже.

Красивую табличку с входа в подъезд любители цветмета еще не прибрали, она по-прежнему гласила: «ЧП Ветров, частные расследования». С нее два месяца не стирали пыль, и она начинала приобретать благородную ветхость.

В самом офисе, что некогда был просторной (но все же однокомнатной) квартирой, наплыва посетителей, мягко говоря, не было. «Почему на все поднимаются цены? – думал я. – На бензин, спиртное, сигареты, путешествия. А на «частные расследования» я никак не соберусь поднять? Стесняюсь, что ли?»

Римма Казаченко – привлекательная женщина за сорок, невысокая, сохранившая идеальную фигуру, предпочитающая в одежде длинные облегающие платья, стояла у окна и поливала фиалки.

– Теперь я поняла, – сказала Римма, повернув голову, – рубрика «Я паркуюсь, как чудак» в местном новостном портале – это про тебя. Как не стыдно, Никита Андреевич? Люди горбятятся, высаживают травку, цветочки...

– Издеваешься? – буркнул я, падая на кушетку. – Эта клоака из грязи и глины лишь формально считается газоном. Там даже одуванчики не растут, им страшно. Давай свои бумаги на подпись.

– Держи. – Она кинула мне стопку каких-то листов. Я сложил их вчетверо, сунул в карман.

– Ну, все, – печально констатировала Римма. – Через месяц у нас отключат телефон, свет, газ, воду и выведут во двор, чтобы расстрелять. Тут ты и вспомнишь, куда сунул эти бумажки.

– Не парься, – отмахнулся я. – Все в порядке, фирма гарантирует своим сотрудникам покой и процветание.

– Какой-то ты беспечный, – подметила Римма. – Снова ездил в хозяйство Якушина, чтобы получить высокооплачиваемую работу?

– Работы пока нет, – туманно отозвался я, – но некоторые специалисты по парапсихологии и прикладной магии уверяют, что скоро будет.

– И я, конечно, все поняла, – всплеснула руками Римма. – Ты уже три месяца берешь заказы у Якушина, попутно нашел себе невесту-ведьму и даже работаешь, судя по брожению на наших банковских счетах. А я обо всем без малейшего понятия, если не считать пары бредовых историй, которые ты мне пытался всучить. Но я не девочка-первокурсница, чтобы поверить в эту фантастику.

– В мистику, Римма, – поправил я. – Придется смириться, тебе вовсе незачем все знать. Обидно, но что поделаешь? Выждем день-два, посмотрим, что подбросит жизнь. Заказы на работу от посторонних лиц пока не принимать. Всем сообщай, что у детектива Ветрова крупный заказ и все их прошения он рассмотрит, когда освободится. Работа не пыльная, согласись.

– Отшить денежного клиента – работа не пыльная, – согласилась Римма, – но сегодня я разгребала в кладовке твои авгиевы конюшни. Вот где пыль...

– Тебя никто не заставлял, – напомнил я.

– Но ведь так интересно, – возразила Римма, – узнаешь много нового, например, о том, как жили люди в древности. Представляешь, отыскала справочник по пользованию Интернетом за 98-й год. Такая прелестная архаичность. Путеводитель по российским веб-ресурсам. Вон лежит, – кивнула она на тонкую пыльную книжицу, – напоминает обычный телефонный справочник, только вместо номеров – веб-адреса. Почти четыре тысячи ресурсов – одуреть. Что с ней делать? Только на стенку в рамочку. Помнишь эти времена? Модем с трещоткой, телефонная линия обязательно должна быть свободной, сколько-то рублей за мегабайт. Никакой тебе рекламы, никто не предлагает взять кредит. Вытру пыль и Люське вечером покажу. А то она отохла на днях: «Мам, а в ваше время ведь не было ни «одноклассников», ни «контактов»? Как же вы френдились? На всесоюзном чате списывались?» Я как услышала – грохнулась, потом встать не могла.

– Ладно, не смейся. – Я вытер набежавшую слезу. – Что по Григоряну? Больше не звонил?

Я проклял себя за то, что подписал договор с этим горе-коммерсантом, торгующим бытовой химией и репеллентами. Грузный, рыхлый, в принципе не бедный, но какой-то глуповатый. Плюс проблемы с головой, причем растущие. Появился месяца полтора назад, требовал доказательства неверности его жены, которая ему точно изменяет! На робкий вопрос, откуда такая уверенность, он твердо заявил: были голоса. Я поначалу не придавал значения, потом ужаснулся. Этот мужик сидел на таблетках, причем плотно, а когда забывал их принять, начинал чудить. Собственно, потому и возник в нашем агентстве, поначалу произведя впечатление совершенно адекватного человека. Жену впоследствии «уличили в верности» – никому она не изменяла. И не потому, что правильная, а потому, что нужды не было. Она рисовала картины, и это было для нее ВСЕ. Иногда куда-то ездила, пыталась их пристроить, но особого успеха не добилась. Григорян, получивший отчет, страшно расстроился, но заплатил. Потом продолжал звонить, просил провести дополнительное расследование, и, судя по голосу, здравому рассудку там уже не было места.

– Звонил, – передернула плечами Римма. – Лучше не спрашивай. Обещал прийти и что-то предложить. Я впала в ужас и сказала, что мы переехали. Он удивился, почему телефон тот же? Я сказала, что и телефон переехал... Он где-то узнал, что наша контора имеет связи с крематорием, и теперь очень хочет купить себе нишу в колумбарии, ну, типа, чтобы была, а то потом, когда придет необходимость, может не оказаться свободных мест. Хочет написать завещание.

– Кремировать себя вместе с родственниками? – усмехнулся я. – Не обращай внимания, Римма. Будет еще звонить – не бери трубку. Придет – не открывай дверь. Для чего нам камеры в подъезде и на улице?

– Он еще и на кладбище собирается купить себе место, – понизив голос, сообщила Римма. – Ну, вроде как судьбу обмануть. То есть совсем с ума сходит. Самому едва за сорок, а дури полная голова – мысли о смерти, о своей неполноценности, о том, что никому не нужен; и вся его блажь, разумеется, отражается на бизнесе, который уже шатается и вот-вот рухнет.

– Мне кажется, вы скоро подружитесь, – усмехнулся я. – А что касается прижизненного рытья могил, то это не он придумал. Сейчас это модная дурь. Китайская молодежь массово скупает земли на кладбищах и роет себе могилы. У самих маленькие дети, со здоровьем полный порядок, вся жизнь впереди, а они уже позаботились. Огромные поля, вместо того чтобы выра-

щивать на них что-то доброе, заполнены могилами. Едешь по проселочной дороге, а вокруг сплошь – нарезанные участки и могилы, могилы без конца и края, надгробные памятники с выбитой физиономией и датой рождения, а дата смерти пока открытая. Детям тоже роют – и они ведь могут умереть... Традиция у них такая – к тридцати годам обустроить себе последнее пристанище. А то, что их больше миллиарда, – это ничего? Запретить некому, купил участок земли и делай с ним, что хочешь. Можешь свеклу посадить или могилу вырыть. Знаешь, как бы это ни звучало, а судьба Григоряна меня мало волнует. Лечиться надо. А вот жену его реально жаль. Как у нее?

– Картины пишет, – вздохнула Римма. – С мрачными закатами и холодными рассветами. Устроила себе студию на даче и там творит, а потом в Интернет выкладывает. Выставки и галереи к ее творчеству равнодушны. Способности у дамы, безусловно, есть. Но их недостаточно.

– В психоанализе это называется сублимацией, – сумничал я, – защитный механизм психики. Снимает внутреннее напряжение, перенаправляя энергию на социально приемлемые цели. Вместо того чтобы прибить мужа или просто изменить свою жизнь, рисует мрачные закаты и холодные рассветы. Кстати, зря она это делает, большого успеха не добьется.

– Это почему? – не поняла Римма.

– Теория у меня такая, – объяснил я, – на основе наблюдений и жизненного опыта. У женщин либо атрофирован, либо слабо развит участок мозга, ведающий творчеством.

– А по шее не хочешь? – обиделась Римма. – От лица всех женщин с атрофированным мозгом?

– Сама посуди, прежде чем кулаками махать. Вспомни человеческую историю хотя бы с эпохи раннего Возрождения. Ладно, были писательницы, немного, но были. Джейн Остин, Агата Кристи, Агния Барто и тому подобные. Государствами и империями тоже иногда правили женщины – всякие Екатерины, Елизаветы, Виктории. Для этого не надо иметь развитое правое полушарие, достаточно быть умной, окружить себя нормальными советниками и фаворитами. Но назови мне хоть одну более-менее знаменитую женщину-художницу? На всем протяжении человеческой истории – хоть одну. Умрешь – не назовешь. Я про тех, что наследовали в мировом искусстве. Женщины-живописцы уровня Рубенса, Рембрандта, Мане, Ренуара, Модильяни, Шишкина, да хоть Малевича с Петровым-Водкиным и Джексоном Поллоком в придачу, который тупо брызгал краски, но его все равно полюбили. Назови, Римма, очень прошу, опровергни мою теорию.

Возмущенная Римма хотела что-то сказать, открывала и закрывала рот, усердно морщила лоб.

– Их нет, Римма, – развел я руками. – Хоть тресни, не найдешь. Ни в России, ни где-то еще. Именно тех, что оставили бы след. Назови мне хоть одну женщину-композитора. Бах, Бетховен, Римский-Корсаков, Чайковский, Шостакович, Ричи Блэкмор, Ян Френкель... Пусть не такого уровня – пониже. Добрынин, Укупник, Юрий Антонов, кто там еще? Но только не надо про женщин-бардов и исполнительниц народных песен. Хоть вывернись, Римма, кроме Александры Пахмутовой никого не назовешь, которая своим исключением лишь подтверждает правило. Да, была дискриминация женщин, борьба за их права, общественное осуждение, то-се, но разве остановит это женщину, если творческая натура рвется в бой? Задал я тебе задачку на текущий день?

– Они это просто считали недостойным и неприличным, – фыркнула Римма.

– Ну, конечно, – хмыкнул я. – Строчить романчики и рулить империями – это значит прилично, а картины мазюкать и музыку сочинять – нет? Не работает, Римма. Они это просто НЕ МОГЛИ. Почему – должны выяснить ученые. Заметь, я не сексист, не уничижитель женского пола, просто факт остается фактом. С вами, женщинами, что-то не так.

Она молчала, злобно сопела, подыскивала и не могла подыскать контраргументы. Но ведь правда же!

– Ты Варваре об этом говорил? – процедила Римма.

– Нет.

– Почему?

– Потому что прибьет.

– А мне, значит, можно?

– Тебе можно. Ты лучший друг.

– Ну, ты и гад, Ветров.

– Да ладно, расслабься, – засмеялся я. – Ты же не собираешься на вершину бомонда? У тебя муж, дочь на втором курсе мединститута, дача с клумбами и грядками. Ну, все, мне пора, – заторопился я и начал сползать с кушетки, на которой было уютно, но угрожающая поза секретарши решительно перестала мне нравиться. – Не забудь закрыть офис, когда будешь уходить, – предупредил я. – И учти, что рабочий день закончится только через три часа.

– Будь осторожен в своей многотрудной работе, Никита Андреевич, – с какими-то странными нотками пробормотала Римма. – И не забывай, что где-то уже посажено дерево, из которого скотят твой гроб.

Размышляя на тему, что мой язык – мой враг, я добрался до дома на улице Советской, приткнул машину перед подъездом, поднялся на свой третий этаж. В квартире было душно, неуютно, здесь уже неделю не ступала женская нога. Я стоял посреди комнаты, растерянно озирался. Неужели утром, когда я уходил, был такой же беспорядок? Не квартира, а прорабская бытовка. словно домовый просыпается в мое отсутствие и все разбрасывает.

Я шатался по углам, наводил порядок: перекладывал свое барахло с видимых мест на невидимые. Проверил холодильник: там кое-что осталось от последнего посещения супермаркета, включая бутылку хорошего вина, которую я собирался распить с Варварой по случаю ее возвращения с Алтая. Она могла прийти в любую минуту.

Я спешил, мазал пол шваброй, вытер пыль с подоконника, недоумевая, почему не сделал этого вчера.

Варвара не являлась. Я выпил кофе, что-то перекусил, принял душ. Но этим ничуть не приблизил появления на горизонте своей девушки. Вечер продолжался. Я блуждал по квартире, включил зачем-то новости. Но быстро выключил, выяснив для себя две вещи. Первое: всем умным женщинам нужно брать пример с Америки, которая научилась свои проблемы делать мировыми. Второе: в мире возникла новая обязательная религия: вера в «российский след». Вмешательство в выборы, хакерские атаки, убийства журналистов, сели, потопа, извержения вулканов, «трясения земли»... Во всем обязан присутствовать «российский след», иначе нельзя, время такое. Отрицать его – грех и ересь.

На улице темнело. Я курил, пил кофе. Город засыпал, просыпался аппетит. Я снова стучал дверью холодильника, что-то жевал, попутно восхищаясь, до чего же содержательно провожу время!

В девять часов позвонила Варвара. У нее был усталый разбитый голос.

– Я только вышла из музея, Никита, – пожаловалась девушка. – Засиделись с Сергеем Борисовичем, было много дел, честное слово... Готовится новая акция на волне успеха ночи музеев 25 августа, в ночь с субботы на воскресенье. Намечаются мероприятия, познавательные экскурсии, конкурсы, будет большая реклама в СМИ. Музей сегодня работает до 10 вечера, здесь по-прежнему посетители, персонал зашился.

– Но ты уже вышла? – уточнил я. – Сейчас приеду.

– Да бог с тобой, – испугалась Варвара. – Я столько не простою, тут ветер. Вызвала такси, не волнуйся, сейчас приедет. Но еще одна проблема. Соседка позвонила, я ее топлю, труба прохудилась. Не сильно, но течет по стенам. Она уже вызвала «аварийку». Так что, извини, я – к себе. Не ждать же, пока они начнут взламывать мою квартиру.

– Ну, я так и знал, – не сдержался я. – Ведь чувствовал, догадывался...

– Знаешь, дорогой, – рассердилась Варвара, – есть люди, которые всегда недовольны. Обычно это ты. Можно подумать, я виновата, что у меня прорвало трубу. Хорошо, что сегодня прорвало, а не вчера, когда меня в городе не было. Тогда бы мой дом отправился в дальнее плавание. Не обижайся, Никита, – сменила она тон, – если сделают сегодня, снова закажу такси и приеду ночью. Если нет, то завтра, потерпишь? Ведь секс в жизни не главное, верно?

Что-то провокационное звучало в ее последних словах, сказанных с елеем. Анекдот пришел на ум: если мужчина думает, что секс в жизни не главное, значит, он у него только что был.

– Ау? – сказала Варвара. Вокруг нее свистел ветер, врывался в трубку.

– Ладно, – вздохнул я. – Оставайся на связи.

В принципе, время детское – начало десятого. Я отложил телефон, откинулся на диванную подушку. «Военные» галлюцинации не возвращались. Память иногда уводила в прошлое, но только в тех случаях, когда я сам не возражал. События дня проходили перед глазами. Новые люди в музее – Алла Михайловна со своей диссертацией, полноватый Михаил. Неприятные ощущения у Варвары, когда мы шли по территории крематория. Опасения Сергея Борисовича – так и подмывало назвать их беспочвенными, если бы я ничего не знал про его чутье. «Камаро», мозоливший глаза охранникам на шлагбауме; странный посетитель с прибором – явно сумасшедший...

На сумасшедших в этом месяце дико везло. Гражданин Григорян, гражданин с прибором... В первых числах августа посетитель музея с говорящей фамилией Толстой сделал попытку подменить настенный мемориал, сплетенный из волос усопшего. Мужчине было за семьдесят, но внешне он производил впечатление адекватного человека. Мемориал висел в районе лестницы между этажами и на фоне прочих изделий в глаза не бросался. Небольшой, овальной формы, похожий на шкатулку со стеклянной крышкой. Основа мемориала – бронза с узорчатыми переплетениями. Внутри – опадающие листья из седых волос, трогательный голый куст, согнувшийся на ветру. Темно-фиолетовый фон, серебристый рисунок. Печаль, тоска, осенняя меланхолия...

Подобных изделий в музее были десятки, но посетителя привлек именно этот. Он улучил момент, когда рядом никого не было, снял изделие со стены, заменил его какой-то бутафорской подделкой (чтобы не сразу обратили внимание) и заспешил к выходу, сунув краденую вещицу за пазуху. Выдержки не хватило, и Рита на входе обратила внимание на его поспешность. Позвонила охране, те перехватили гражданина Толстого, когда он спешил на остановку. Было видно, что он что-то спер.

Гражданин раскис, выжимал слезу, когда его под конвоем доставили обратно. Что-то надоумило Сергея Борисовича повременить со звонком в полицию. Вор окончательно расклеился, плакал, излагал свою историю.

Он бывший научный работник, полвека назад похоронил жену, тогда еще совсем молодую, прожили всего несколько лет, завели дочку, потом тяжелая неизлечимая болезнь и – память на всю оставшуюся. Заказал мемориал одному мастеру (и в советское время были мастера), который впоследствии пропал во время наводнения (в смысле мемориал).

Повторно не женился, дочурка скончалась в 2012-м от той же болезни, что и мать (примерно тогда он и тронулся рассудком). И вдруг в музее наткнулся на знакомую вещицу, глазам своим не поверил! Не может быть другой такой же! У него остались знакомые в научных кругах, кто-то говорил, что можно клонировать человека, имея его волосы. Он уже договорился, отдал все свои сбережения! Операцию по клонированию будут проводить не в России – здесь такое запрещено, а где именно – не наше дело... Он умоляет, он готов на коленях стоять, ему не нужен весь мемориал, дайте хотя бы прядь волос...

Якушин, если честно, растерялся. Хорошо, что полицию не вызвал, те не стали бы разбираться. Историю появления мемориала в музее проследить было трудно – принес кто-то за

умеренную плату. Небольшое расследование выявило: Толстой действительно тот, за кого себя выдает. С небольшой поправкой – стоит на учете у психиатра. Вряд ли у него имелись связи в кругах, проводящих подобные операции. Но самое смешное, что из волоса действительно можно сделать клона. Толстой твердил: хочу вернуть жену, не могу без нее, хочу, чтобы она была со мной... И лил при этом слезы. Мысль о том, что пока «ребенок из пробирки» вырастет и начнет что-то понимать, его в этом мире уже не будет, мало заботила.

Всем было неловко в этой ситуации. Якушин все же нашел соломоново решение: мемориал отдали гражданину Толстому, а когда он радостный умчался, проконсультировались с психиатром, наблюдающим больного, и утрясли вопрос, как сделать так, чтобы избавить человека от дальнейших потрясений.

Первым делом сработала вибрация в телефоне, звонок включается парой секунд позже. Трубка лежала под рукой, я моментально схватил ее, поднес к уху.

– Ты уже дома? – ехидно осведомился я. – Пришел небритый мачо, уверяет, что он сантехник, и ты растерялась?

– М-м... Не совсем, Никита Андреевич, – прозвучал немного удивленный голос Якушина.

Я от неожиданности чуть не свалился с дивана, стал зачем-то искать тапки. Половина десятого на часах.

– Прошу прощения, Сергей Борисович, я думал, что это Варвара...

– Я понял, – проворчал Якушин. – У вас с Варварой Ильиничной своеобразный стиль общения... Впрочем, это ваше дело. У нас ЧП, Никита Андреевич. – И только теперь я обнаружил, что голос абонента подрагивает от волнения. – Я находился во втором корпусе, когда мне доложили... Это произошло минут десять назад. Музей сегодня открыт до 10 вечера, мы собираемся придерживаться этого графика до ноября... Этот навязчивый тип снова появился, представляете? Машину оставил где-то вне территории, ковылял пешком, видно, сделал правильный вывод, что мы его вычислим по машине...

– Ковылял? – не понял я.

– Да, ему не откажешь в смекалке. Ведь почему его пропустили? Да потому что не узнали. С палочкой, прихрамывал, сменил одежду, нацепил очки, какие-то бутафорские усы... Не признали человека, понимаете? Были посетители, несмотря на поздний час. Он надел мешковатый пиджак, и мы не сразу поняли, зачем. Он, как обычно, поднялся на второй этаж, отправился к дальней стене, в правый угол. Хорошо, Алла Михайловна обнаружила неладное – вроде глянул на нее как-то странно, прежде чем ступить на лестницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.